

Полночь, западный двор поместья Пэй. Из-за стены прыгнула тень. Человек хотел было вернуться в свою комнату, но путь ему преградили.

— У брата Сюаньчэ на редкость хорошее настроение, раз решил среди ночи не спать, а выйти сюда любоваться луной? — Лин Сяо мотнул головой. Он перебрал с выпивкой, и теперь, когда хмель ударил в голову, очертания собеседника расплывались, но он каким-то чудом понял, что перед ним Е Сюаньчэ.

— Мне далеко до изящества брата Цзинъюаня, который предпочитает коротать время в беседах за вином с девицами из Хуаманьлоу, — Е Сюаньчэ уловил от Лин Сяо запах лемонграсса вперемешку с винными парами и нахмурился, однако отступить не стал.

— Эх, не понимаешь ты! Это ведь и называется — умереть под юбкой красавицы, ха-ха-ха! — язык у Лин Сяо начал заплетаться, а речь — путаться.

— Боюсь, если брат Цзинъюань не перестанет слушать песни в том цветнике, то вскоре сам станет призраком, блуждающим под луной, — заметил Е Сюаньчэ.

— Есть что сказать — говори прямо, к чему эти витиеватости? — у Лин Сяо невыносимо разболелась голова, ему хотелось лишь поскорее рухнуть в постель, но этот человек продолжал стоять на пути, и тон Лин Сяо становился всё более раздраженным.

Услышав прямолинейный ответ, Е Сюаньчэ не знал, смеяться ему или злиться, но решил больше не ходить вокруг да около:

— Я лишь хочу знать, откуда у тебя ноты, которые ты передал той девице из Хуаманьлоу.

— Ты следил за мной?

— Я просто проходил мимо Хуаманьлоу и услышал из окна третьего этажа звуки пипы. Кто-то раз за разом играл наш семейный «Упокой души», вот мне и стало любопытно.

На самом деле Е Сюаньчэ не просто проходил мимо. Вернувшись в комнату, он обдумывал события дня и нашел одну странность: Шуй Сю отправилась платить за вино, и в Хуаманьлоу должны были пить то же вино «Весенний бриз», почему же оттуда не доходило вестей о появлении призрака? К тому же, призрак Шуй Сю распевал свою коронную песню — если бы кто-то в Хуаманьлоу слышал её, почему не заявили властям, а вместо этого твердили, что она сбежала?

Всё было слишком подозрительно, и Е Сюаньчэ решил навести справки. И правда, тамошние обитатели держали рты на замке, но невзначай он услышал мелодию своего рода — «Упокой души».

— Не знает ли уважаемый, кто именно исполняет эту мелодию? — Е Сюаньчэ вытащил слиток

серебра и протянул охраннику заведения.

Охранник радостно принял монету:

— А, это Фэн Сю. Ей повезло. Встретила чудака в маске, щедрого до невозможности. Видимо, за то, что хорошо сыграла эту мелодию, он её и выкупил. Тот странник ещё велел хозяйке не прогонять её, даже если она сама захочет уйти, а все расходы пообещал оплатить наперед.

— Это он дал ей ноты?

— Именно. Хотя, по-моему, играет она так себе, не пойму, что он в ней нашел, — в голосе девушки явно сквозила зависть.

— Благодарю, — Е Сюаньчэ взглянул на комнату на втором этаже, откуда доносились звуки музыки. Откуда у того человека ноты «Упокой души» семьи Е? Мало того, что взял, так еще и не знает, как ими пользоваться — просто расточительство!

Семья Е славилась мастерами звуковых искусств. У них были свои школы игры на разных инструментах, и для каждого способа исполнения существовали свои ноты. Например, для одного и того же «Упокой души» было четыре версии: духовая с длинными нотами, струнная с глиссандо, щипковая с короткими мелизмами и ударная с плотным ритмом. То, что доносилось из пипы, было явно духовой версией с длинными нотами. Это не только утомляло исполнителя, но и сводило на нет весь эффект успокоения душ.

— Не твое дело! — отрезал Лин Сяо и, обойдя Е Сюаньчэ, двинулся прочь.

Е Сюаньчэ снова преградил ему путь. Он уже хотел что-то сказать, но Лин Сяо внезапно нанес удар ладонью прямо в лицо. Е Сюаньчэ хотел было блокировать, но в последнее мгновение отдернул руку и отступил.

— Хм, по крайней мере, ты сообразителен! — Лин Сяо опустил руку, черно-коричневые вены на тыльной стороне ладони вернулись в нормальное состояние, и он, пошатываясь, зашагал к своей комнате.

— В следующий раз не проси ту девицу из Хуаманьлоу играть, лучше приходи ко мне, — крикнул ему вслед Е Сюаньчэ. — Она хоть сто раз сыграет, толку будет меньше, чем от одного моего исполнения, нечего портить пальцы девушке.

Лин Сяо бросил лишь одно слово:

— Проваливай!

Глядя на плотно закрытую дверь, Е Сюаньчэ слегка улыбнулся, и в его глазах вспыхнул радостный огонек.

На следующее утро Лин Сяо постучал себя по раскалывающейся голове, проклиная себя за то, что забыл о пилюлях от похмелья, и пообещал себе больше так не пить. Вспомнив слова Фэн Сю, он решил отправиться в темницу на полигоне Пэй, чтобы допросить того человека по фамилии Ло.

Только он вышел за порог, как увидел Е Чэньюя, который нес поднос со сладостями. Заметив Лин Сяо, тот поздоровался:

— Брат Цзинъюань, младшая сестра Шао Ин приготовила утром сладости, только что прислали, хочешь попробовать?

— Что значит попробовать? — Лин Сяо взмахнул рукой и забрал весь поднос целиком. — Всё, что сделала сестренка, — моё. — С этими словами он собрался уходить.

— Эй! — Е Чэньюй схватил его за руку. Лин Сяо щелкнул пальцем по акупунктурной точке, и Е Чэньюй, почувствовав онемение в руке, невольно разжал пальцы. — Нет, Лин Цзинъюань, забирай, если хочешь, но куда ты их несешь?

— О, ты что, хочешь отобрать? — Лин Сяо расслабился. — Я иду допрашивать того негодяя. В деле Шуй Сю остались вопросы.

— Хм? Вчера четвертый брат говорил то же самое, так что он с самого утра в темнице. Если поторопишься, еще застанешь его.

— Е Сюаньчэ тоже там?

Пока Лин Сяо размышлял, Е Чэньюй внезапно рванулся вперед, схватил три пирожных и бросился в комнату. Еще чего! Это были его любимые пирожные, о которых он мечтал всю дорогу до Бичэна, он полдня вчера упрашивал Шао Ин их испечь — неужели он позволит этому парню забрать всё себе?

Лин Сяо посмотрел на захлопнувшуюся дверь, затем на поднос, где осталась лишь половина лакомств. Золотистое тесто, покрытое орехами в сахарном сиропе, выглядело аппетитно, но больше всего привлекал тонкий аромат, от которого тут же просыпался голод.

Лин Сяо на ходу отправил один кусочек в рот, замер, а затем развернулся и направился к комнате Е Чэньюя.

— Е Чэньюй, ты подлец!

Вот оно что! Неудивительно, что этот парень так отчаянно пытался отбить их у него. Знай он, что они настолько вкусные, ни за что не позволил бы тому совершить налет!

Он с ноги распахнул дверь, но комната была пуста — Е Чэньюя и след простыл.

— Хм! Разберусь с тем негодяем, потом вернусь и с тобой поквитаюсь! — бросил Лин Сяо и с грохотом захлопнул дверь.

Е Чэньюй, притаившийся на карнизе заднего окна, облегченно выдохнул. Он ожидал, что Лин Сяо вернется, но это была лишь отсрочка...

— Эх, придется снова просить Шао Ин приготовить, — Е Чэньюй потер ноющую ладонь, которой вчера принял удар Лин Сяо, и направился во двор Шао Ин.

Темница на полигоне Пэй.

Е Сюаньчэ медленно опустил свой инструмент «Чжэнья» и свысока посмотрел на человека, который катался по полу, закатывая глаза и сплевывая кровь.

— Даю последний шанс: будешь говорить или нет?

Одним из навыков его личного артефакта, чи-ба «Лунхунь», была прямая атака на душу врага, заставляющая того чувствовать боль, словно его душу хлещут кнутами. Мало кто мог выдержать больше десяти звуков, если только не обладал невероятно крепким духом.

— Я... я скажу, всё скажу, — прохрипел лавочник Ло. — Мне действительно помогали. Тот человек сказал, что поможет мне похитить людей, но после всего я должен капнуть девственной кровью Шуй Сю на нефритовый камень. Если камень не почернеет, Шуй Сю достанется мне, если почернеет — ему.

— Кто этот человек? — Е Сюаньчэ подошел ближе.

— Он... он... — губы лавочника Ло шевелились, но звука не было. Е Сюаньчэ наклонился, чтобы расслышать, но лавочник вдруг начал задыхаться, захлебываясь кровью, и принялся неистово колотить себя в грудь.

Е Сюаньчэ решил, что тот подавился, и с отвращением отступил на пару шагов, ожидая, пока тому станет легче.

Но лавочник Ло продолжал бить себя в грудь, а затем вдруг засунул руку в рот, будто пытаясь что-то вытащить из горла. Его тело содрогалось, словно внутри него что-то неистовствовало. Е Сюаньчэ понял, что происходит нечто неладное, и нахмурился, собираясь помочь, но не успел: лавочник Ло издал истошный крик и выплюнул что-то вместе с собственной рукой.

Е Сюаньчэ присмотрелся и похолодел: тот вырвал себе язык!

Из кольца хранения вылетело «Чиман», издавая тревожный гул и кружась перед лавочником. Тело Ло забилося в конвульсиях, он издал нечленораздельный звук, и на глазах у Е Сюаньчэ его плоть начала разлагаться!

— Отойди! — раздался окрик позади.

Е Сюаньчэ отдернули в сторону, а брызнувшая кровь лавочника полетела в сторону вошедшего. Тот попытался закрыться рукой, и кровь мгновенно превратилась в черный дым, который впитался в кожу и начал быстро распространяться по руке.

— Лин Сяо! — Е Сюаньчэ в испуге схватил его за руку, пытаясь силой духовной энергии вытеснить черную дымку. Но это не было ядом, энергия лишь помогала дыму двигаться быстрее. Е Сюаньчэ запаниковал, не отводя глаз от черных пятен, и не заметил, что Лин Сяо пристально смотрит на него.

Черный дым скрылся под одеждой Лин Сяо. Е Сюаньчэ хотел было распахнуть ворот, чтобы проверить, но Лин Сяо остановил его.

— Ты... — Е Сюаньчэ поразило, что Лин Сяо совершенно спокоен, будто в его тело проникло что-то безобидное.

Лин Сяо поправил воротник и, глядя на Е Сюаньчэ, усмехнулся:

— Посмотри на себя, четвертый молодой господин Е, так волнуешься! Если бы кто не знал, подумал бы, что я для тебя кто-то особенный!

— Лин Цзинъюань!

— Ой, ну не надо так! — Лин Сяо рассмеялся, видя, как Е Сюаньчэ покраснел от гнева. — Хорошо, что здесь только мы двое, а то другие решили бы, что ты не злишься, а стесняешься!

Е Сюаньчэ отвернулся. Этот человек всегда поступал непредсказуемо, но всегда знал меру. Так было раньше, так осталось и теперь. Он зря волновался, только попался на его удочку.

Успокоившись, он спросил:

— Что это было?

— Думаю, ты должен быть знаком с этой штукой, — Лин Сяо посмотрел на лавочника Ло, который превратился в иссохший труп, над которым висело черное облако. — Иньская энергия.